

Е. В. Караева, Л. Д. Волкова

ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОТЕРАПИИ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Исходя из психоаналитической теории К. Юнга авторы статьи пытаются раскрыть особенности духовного содержания русского православия. Особое внимание уделяется сакральной значимости Слова не только в православной церкви, но и в самой русской культуре. Здесь же говорится об элементах психотерапии православной службы, имеющих восточное происхождение.

Ключевые слова: *Слово, Логос, икона, символ, интроверсия, сакральность, космизм.*

«В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, что начало быть». Так начинается первая глава Евангелия от Иоанна. Строки 1–3. Слово стало плотью в облике едиnorodного Сына Бога – Иисуса Христа. «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». Так гласит восемнадцатая строка первой главы Евангелия от Иоанна. Более того, Слово стало началом «всего того, что начало быть». Можно сказать, что вся суть Нового Завета изложена в этих строках Евангелия от Иоанна. Слово первоначально сакрально, так как оно есть Бог, которого никто и никогда не видел, но начало всему сущему положено этим Словом.

Зародившись в еврейской среде, христианство проходит долгий путь от так называемого первоначального христианства до «раннего», когда, собственно, и складывается догматика новой, по сравнению с иудаизмом, религии. В 313 г. император Константин издает Миланский эдикт, превративший христианство в государственную религию Римской империи. Ставши полновластным императором империи, уже в 325 г. Константин обеспечивает полную свободу христианства в государстве. В этом же году собирается Первый Вселенский собор в городе Никее для разработки христианских догматов. Всего соборов было семь. Закончились они, как известно, в 1054 г. разделением единой христианской церкви на два направления: католицизм и православие. Причину раскола объясняют разными историческими судьбами Западной и Восточной Римских империй. Однако, исходя из психоаналитической теории Карла Юнга, можно сказать, что причина расхождения таилась опять же в исторически сложившихся противоположных системах мировосприятия жителей Востока и Запада. Восточный интровертивный психологический тип оказался несовместимым с типом западным, экстравертивным. Нельзя забывать то обстоятельство, что монашество возникло на Востоке и связано с именами Антония Египетского (251–348) и Пахомия Великого (292–348). Более того, так называемая Александрийская школа, представителями которой были хорошо известные Климент

Александрийский (?–216) и Ориген (186–254), привлекала к истолкованию Священного Писания учение Платона и неоплатонизма. Павел Евдокимов (1901–1970), православный богослов, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже, в своем научном исследовании «Православие» обращает особое внимание на сохранение эллинских традиций в восточном Византийском православии [1, с. 22–62].

Божественное Слово в православии именуется по-гречески Логосом, второй ипостасью Божественной Троицы. Если далее развивать православное учение о Логосе в единстве с мыслью евангелиста Иоанна о том, что Слово невидимого Бога стало началом всего сущего, невольно возникают ассоциации с платоновскими эйдосами-идеями, находящимися у Творца космоса. Не забудем, что слово «космос» с греческого переводится – «порядок». Таким образом, Логос, так же как и третья ипостась Святой Троицы – Святой Дух, являясь выразителем единой Божественной воли, становится творцом и сутью всего сущего в мире. Логосы, «присутствуя в Боге», не только «определяют», но и создают все «сущее». Эйдосы же, утверждал Платон (428–348 гг. до Р. Х.), находят свое воплощение в телесной оболочке всего сущего, являясь душой всех живых существ. Душа бессмертна и, оставляя тело, продолжает свое вечное движение. «Всякая душа бессмертна. Ведь вечнодвижущееся бессмертно. А у того, что сообщает движение другому и приводится в движение другим, это движение прерывается, а значит прерывается и жизнь. <...> Начало движения – это то, что движет само себя» [2, с. 204–205]. Таким образом, Бог, он же платоновский Творец, является автором Слов-Логосов, имеющих материальную оболочку, наполненную божественным содержанием. Постигание глубокого смысла всего сотворенного является главной задачей человека.

В Византии формируется восточный менталитет религиозного мировосприятия, где на первом месте стоит интровертивное духовное начало. В восточном мировосприятии присутствует так называемый космизм. Православный храм являет собою устройство космоса. Главное место – алтарь,

что означает «Горнее место». Это святая гора Сион с ее космическим центром – святым престолом. Царские врата ведут прямо к святому престолу с Горним местом. Со стен храма на пришедших смотрят лики святых. Фигуры святых на иконах и на стенах удлинены и устремлены вверх, к Богу. Мерцают зажженные свечи у икон. Да и сами маковки православных храмов напоминают пылающие светильники, являясь образом пламенной молитвы. Из-под купола, как бы парившего в воздухе, струился свет. Находясь под куполом храма и окруженный его прочными стенами с изображениями святых, верующий человек чувствует себя защищенным от всякой «скверны мирской». Стены храма украшены так называемой славянской вязью, воспроизводящей слова Писания. Собственно и сами иконы являются Словами-Логосами, тая в себе космическую божественную символику.

Здесь уместно провести сравнение с иудаизмом и исламом. Ни в еврейской синагоге, ни в исламской мечети нет изображения Того, «кого не видел никто и никогда». Нет изображения самого Творца и в православном храме. Воплощением Божественной мудрости являются все те же священные письмена, воспроизведенные мастерами-каллиграфами на святых свитках Торы и страница Корана. Стены мечети также украшены арабской вязью, содержащей суры из Корана.

Перенесение слов Писания на пергамент, а позже на бумагу в те далекие времена приравнивалось к священнодействию. Истина, заложенная в словах, считалась непоколебимой и не подлежащей какой-либо критике. Списывание пришедших из Византии и переведенных на церковно-славянский язык отдельных книг Нового и Ветхого Завета было богоугодным делом. Особым вниманием пользовались апокрифы, смесь книжных и народных сказаний на религиозные темы. Их переписыванием занимались не только духовные лица, в особенности монахи, но и простые смертные, в том числе – князья. Так, Кормчую, книгу церковных законоположений, переписывал «боголюбивый» князь Владимир Васильевич и «боголюбивая» княжна Ольга Романовна (XIII в.). Существовали «книгописцы», «писари», «мастера» и женщины «писицы». Заглавные буквы, «инициалы», раскрашивались. Сами книги украшались орнаментом и миниатюрами. Существовали специальные живописцы-«знаменщики». Уставное и полууставное письмо, при котором вырисовывалась каждая буква, требовало сосредоточения внимания на работе. Происходило своеобразное духовное погружение в мудрость священных книг, идущую от Бога. Это была своеобразная медитация-синергия, сопричастность миру Бога, творящему Логосы-Слова. В богослужении православной церкви

не случайно главная роль отводилась Слову-проповеди священника и молитве. Музыкальное сопровождение службы, принятое у католиков и лютеран, в православии отсутствует. Священник, постигший Священное Писание и проповедующий его, становился своеобразным психотерапевтом. Проповеди-Слова приобретали совершенно особое значение в истории русской культуры с древних времен. Все проповеди в Киевской Руси начинались одинаково. Вспомним «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Слова-проповеди Кирилла Туровского», «Слово о погибели русской земли» неизвестного автора.

Неизвестный человек, дружинник, участник похода князя Игоря против половцев, оставил после себя драгоценный исторический литературный памятник своего времени – «Слово о полку Игореве». Можно сказать, что «Слово» – это повесть или песнь о неудачном походе потомков Олега Святославовича против половцев в 1185 г. Произведение это, традиционно названное Словом и написанное на древнерусском языке, не только рассказывает историю похода, но и рисует красочную картину тогдашней русской жизни, освещенной глубоким и скорбным лиризмом.

По своей сути православные иконы были теми же Словами-Логосами, помогающими духовному очищению и сосредоточению-медитации. Наверное, нигде не разнилось так западное, европейское и русское, восточное мировосприятие, как в художественном изображении Иисуса Христа, Богоматери и христианских святых. Итальянская эпоха Возрождения возродила традиционный европейский стиль скульптуры античного греко-римского мира. В этом нет ничего удивительного. Однако, с точки зрения православной эстетики, телесное, чувственное начало в изображении святых, а особенно Иисуса Христа и Богоматери, недопустимо. Для католического христианского мира характерна экзальтированная экспрессия, идущая от экстравертивного типа мировосприятия. Все святое, что в православной иконописи сосредоточено внутри ликов святых, здесь заменяется изображением чисто физических страданий, переходящих в натурализм. Иисус Христос в католическом костеле представлен в виде фигуры, воспроизведенной со всеми анатомическими подробностями. Терновый венец, из-под которого струится по исполненному страданием лицу кровь, пробитые гвоздями руки, исполосованное бичами тело – вот то, что прежде всего должно привлечь внимание католика.

Лоренцо Бернини (1598–1608), талантливый скульптор и архитектор в одном лице, творил свои произведения в стиле барокко. Он прославился скульптурой царя Давида и папскими надгробиями собора Св. Петра. Лучшим же его произведением

считается изображение Святой Терезы в храме Санта-Мария дела Виттория в Риме. Св. Тереза известна как основательница ордена кармелиток «по призыванию свыше». Тереза представлена в состоянии экстаза-озарения. Она лежит в монашеском одеянии, голова запрокинута, глаза полузакрыты. С медицинской точки зрения, женщина переживает истерический припадок, требующий вмешательства врача. Однако вместо врача рядом с больной скульптор поместил улыбающегося ангела.

В противовес католической экспрессии православие предлагает внутреннее сосредоточение-молитву перед иконой. Само слово «икона» происходит от греческого *эйконос*, что переводится как «символ». Это книга, раскрытая перед верующим человеком, суть которой он может понять, раскрыв тайну символов. История иконы, как мы знаем, уходит в Древний Египет и связана с так называемыми фаюмскими портретами. В местечке Фаюм было кладбище, где на могилах ставили плоскостные изображения ликов усопших. Подобного воспроизведения человеческого лица здесь нет, есть только его символ. Суть символа заключалась в выражении больших глаз, взор которых был обращен к людям и вообще ко всему живому уже из иного мира, где смерти нет.

Согласно православной традиции, идущей из Византии, икона есть «окно в иной мир». В православной иконописи существует принцип так называемой обратной перспективы [3, с. 247–264]. Здесь нет горизонта с удаляющимися вдаль деревьями, облаками и всеми предметами реальной жизни, на которые зритель смотрит со стороны. Обратная перспектива концентрируется в зрачках человека, смотрящего на икону, благодаря чему он сам становится сопричастным ко всему, изображенному здесь. Духовное интровертивное начало превалирует, поскольку создается впечатление возможности личного общения со святыми, чьи лики запечатлены на иконах. Обратная перспектива создает иллюзию движения фигур святых навстречу зрителю. Фигуры эти бестелесны, в них нет тяжести и объемности, свойственных персонажам католических картин и тем более скульптур. Тело святых в православных иконах намечено лишь слегка. Оно обозначено складками легкого одеяния, в которое облачены направляющиеся из иного мира по направлению к нам святые.

Святые внимательно смотрят на нас из глубины икон. У них очень большие глаза, созерцающие иной горный мир. Черты ликов лишены какой-либо чувственности. Губы сжаты в тонкую линию, нос обозначен прямой линией. Украшены лики высокими лбами мыслителей.

Два мира сосуществуют в русской иконописи. Символика красок помогает отделить их один от

другого [4, с. 220–246]. Золотое солнечное сияние есть символ мира Бога, центра бескрайнего космоса, откуда все приходит и куда все возвращается. Сам источник света находится где-то за иконой, он невидим. Здесь солнце никогда не заходит и царит вечный день. В темные же цвета окрашен этот низший бранный мир нашего временного пребывания. Отсюда, из низов, устремляется душа человеческая вывесь, в вечный мир Бога.

Идея исконно русского космизма является содержанием русских икон. Человеческое существо являет собою малую частичку великого космоса, пребывающего в вечном движении. Там, где смерть, там и рождение. Не случайно в православии особый смысл приобретает праздник Пасхи, наполненный надеждой на воскресение всех мертвых. В католической и лютеранской традиции на первом месте все же находится праздник Рождества Христова, а не Его воскресения. Для русского человека, традиционным, исконным занятием которого являлось земледелие, как раз этот праздник был близок и понятен. Зарытые в землю, «похороненные» зерна злаков, весной давали зеленые побеги и возрастали, «воскрешались» из лона матери-земли. После Пасхи, по русской традиции, следовала Родительская неделя, когда люди шли на кладбище к могилам дорогих усопших. Ведь не случайно умерших людей, согласно русской православной традиции, называют «усопшими». Они «спят» в ожидании всеобщего воскресения. Нет смерти, будет воскрешение и жизнь в мире вечности. Суть праздника Пасхи выражена в словах известного молитвенного песнопения: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробах живот даровав». Лучшего психотерапевтического метода, чем содержание этой молитвы, трудно придумать. Сложная и драматическая история многострадального нашего народа, начиная от воинственного сопротивления монгольскому игу и продолжая дальнейшими войнами за дорогое свое Отечество, стоила миллионов человеческих жизней. Твердая уверенность в том, что все, погибшие в боях, воскреснут и будут жить вечно, придавало мужество воинам и служило утешением для близких.

Конечно же, говоря о психотерапии русского православия, нельзя пройти мимо самого богослужения, литургии. Это слово переводится с греческого языка в значении «общее дело». Говоря о литургии, следует вспомнить русский менталитет, нашедший выражение в понятии «община». Как раз литургия призывает к добрым отношениям между человеком и общиной, представленной единым «телом», составленным русскими людьми независимо от их социального происхождения. На «том свете» социальное происхождение значения

не имеет. Перед Господом все равны. Идея всеобщего равенства всегда была отличительной чертой русского национального самосознания, выразившись и в русском православии. Так вот, в литургии главные слова молитвы следующие: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

В православной церкви молящиеся стоят, как говорится, «плечом к плечу», составляя единое целое. Нет у нас «почетных мест» для сидения, предназначенных для знатных прихожан, да и сами священники есть «смертные из смертных».

Православную литургию немислимо представить без хорового пения. Хоровое сопровождение службы пришло в русское православие из Византии. Нельзя забывать об эллинской, греческой основе византийского православия. Об этом важном обстоятельстве уже упоминалось в начале статьи. Как известно, хор, возглавляемый хорегом, сопровождал действия греческой трагедии на сцене от начала и до конца. Хор выражал волю богов, определяющих человеческую судьбу. Понятия греха у древних греков не существовало, но была вера в судьбу каждого человека, зависящую от хороших и плохих людских поступков. Каждый из смертных имел свой рок, определенный волей богов. Любое содеянное зло нарушало гармонию космоса, миропорядка, созданного высшими силами. Виновного в нарушении миропорядка боги наказывали. В православной службе хор также «ведет» службу, являя собою волю Бога, вершащего судьбы людские [1, с. 339–370].

В древнерусском церковном православии сложилось так называемое многоголосие. Голос, ведущий основную мелодию, назывался «путем», а исполнитель – «путником». Мелодию, звучащую выше пути, исполняли «вершники». Соответственно мелодию, звучащую ниже «пути», вели «нижники». В хоровом пении принимают участие все прихожане. Надо ли говорить о том, что совместное хоровое пение молитв является все тем же психотерапевтическим средством, помогающим отвлечься от всех внешних раздражителей и драм духовных, преподносимых реальной жизнью. Здесь присутствовало хорошо знакомое осознание «плеча» рядом стоящего чужого человека, ставшего отныне близким. Кроме того, хоровое пение было своеобразным средством медитации, способствующей погружению молящегося человека в глубоко внутренний духовный мир. Во время хорового пения происходила регуляция дыхания, способствующая улучшению кровообращения и, соответственно, общего самочувствия. Запахи благовоний, синие, зеленые и золотые цвета внутренней росписи храма вместе с ровной, спокойной мелодией молитвы являлись прекрасными средствами медицинской психотерапии психосоматических

расстройств. Благотворное воздействие этой своеобразной психотерапии проявлялось в достижении состояния духовного обновления и безмятежности прихожан, помолвившихся в храме.

Сразу же оговоримся: авторы статьи далеки от идеализации Русской православной церкви и непростой ее истории, отражающей такую же непростую историю нашего государства. За падением Византийской империи в 1054 г. под натиском турков-османов следует перенесение короны базилиевса в Московскую Русь. Иван Третий вступает в брак с племянницей последнего византийского базилиевса Софьей Палеолог, и двуглавый византийский орел, покинув столицу великой Византии – Константинополь, отныне будет простирать свои широкие крылья над Московским царством. С пророческих слов монаха Спасо-Елизаровского монастыря под Псковом, Филофея, отныне Русь будет называться Третьим Римом. «Два Рима [Рим и Константинополь] пали, а третий – Москва – стоит, а четвертому не быть». Титул базилиевса-царя, возвышающегося над государством и церковью, переходит в Москву. В 1557 г. Иван Грозный утверждает в достоинстве вселенского и московского «царя». Создается теократическое государство, когда Бог и Царь становятся синонимами. В 1589 г. Константинопольский патриарх Иеремия возводит митрополита Иова в сан патриарха Московского и всея Руси. Русская православная церковь теперь не зависит от Византии. Централизация власти в руках царя-самодержца и полное подчинение ему церкви продолжается. На Стоглавом соборе, состоявшемся в 1551 г., полностью утверждается неограниченная власть государя-самодержца над церковью. Любая попытка представителей церкви вмешаться в «государевы дела» жесточайшим образом пресекается. Митрополит Филипп, в миру Федор Степанович Кольчев (1507–1596), попытался выступить против беззаконий опричнины. Сначала он обратился лично к царю, взывая к его милосердию. Поскольку «беседа» успеха не имела, митрополит начал обличать дикие действия самодержца царя в своих проповедях в Успенском соборе Московского кремля. В конечном итоге митрополит был низложен, сослан в дальний тверской Отрочь-Успенский монастырь, где Малюта Скуратов задушил его подушкой.

Чем дальше идет централизация власти в руках деспота-самодержца, тем глубже становится пропасть между традиционной православной верой и официальной церковью. В XV–XVI вв. появляются монастыри так называемых иосифлян и нестяжателей. Иосиф Волоцкий (1439–1515) утверждал полное подчинение монастырей государству. Нил Сорский (1433–1508) считал, что монахи должны быть выше мирских дел и заботиться о «спасении

души». Семнадцатый век и вовсе ознаменовался расколом Русской православной церкви, официально утвержденным на Московском соборе 1666–1667 гг. Старообрядцы, активно выступившие против реформ патриарха Никона (1605–1681), считали себя носителями духа истинного русского православия в отличие от «бездуховной» официальной церкви, полностью подчиненной власти государя и занятой земными меркантильными делами. Здесь уместно вспомнить судьбу самого Никона, низведенного на Церковном соборе 1666 г. до звания простого монаха и сосланного позже сначала в Ферапонтов, а позже – в Кирилло-Белозерский монастырь. Вина опального патриарха заключалась в том, что «божескую» власть он решил поставить выше власти царской. Никон требовал полного невмешательства царя в церковные дела, поскольку «священство» идет от «царства небесного», а «земному» царю и отведено «царство земное».

Дальше всех в «реформировании» Русской православной церкви пошел Петр Первый. Он, как известно, и вовсе изменил ее структуру, следуя европейскому лютеранскому образцу. Духовный синод отныне заменял древнее патриаршество, а сама церковная организация уподобилась одному из государственных «департаментов».

Семнадцатый и восемнадцатый века ознаменовались появлением на Руси многих монастырей, являющих собою, по сути своего духовного содержания, оппозицию официальной церкви [5]. Кроме того, в эти века получает распространение так называемое странничество. По русской земле странствуют «юродивые во Христе», образы смиренного Христа, проповедующие любовь к ближнему своему и презрение ко всем материальным благам. Одновременно староверы-старообрядцы из своих скитов проклинают «падшее священное царство» и с ужасом говорят о приходе нового Антихриста, лжепророка, который загубит как русское истинное православие, так и все русское государство. Первым Антихристом они считали, как известно, Петра Великого. Как видим, «Святая Русь» продолжала существовать параллельно с «Русью великодержавной».

В монастыри шли люди из разных социальных слоев населения русской земли. Шли не ради корысти, а для служения Богу и людям. Прославились монастыри своими старцами, обладающими пророческим даром. Старцев этих, умеющих найти слово утешения для каждого пришедшего, с полным основанием можно назвать психотерапевтами. Особенно славились старцы Оптинского монастыря, история которого начинается еще в XIV в. Согласно преданию, в засеке, находящейся недалеко от города Козельска, прятался предводитель разбойников Опта. Засеками в те времена защищали

южные границы Московского государства от постоянных опустошительных набегов крымских татар. Напарником Опты некогда был жестокий и кровожадный Кудеяр. Неожиданно случается чудо: Опта раскаивается в своих злодеяниях, принимает пострижение под именем Макария и основывает два монастыря. В монастыре, называемом Оптиным, смиренный отшельник Макарий, он же – Опта, оканчивает свое земное существование. Здесь перед нами классический пример так называемого русского максимализма. Русский человек не знает границ ни в зле, ни в добре. Мы в свое время разрушали храмы, казнили священников, проповедовали «воинствующий атеизм». Теперь же воздвигаем разрушенные храмы и монастыри, толпами ходим в церковь на Рождество и Пасху и молимся Господу Богу, прося у Него прощения и благословения. Таким русским максималистом был разбойник и монах в одном лице – Опта.

Среди монахов-старцев Оптиной пустыни получили известность Амвросий (1812–1891) и Иларион (1805–1872). Иларион видел причину страданий человеческих в отступлениях от заповедей Ветхого и Нового заветов, что и становилось причиной безнравственности. Если человек не «возлюбил ближнего своего, как самого себя», то он пойдет преступным путем. Старец выступал в роли невропатолога-психиатра. Главным «лекарством» служило доброе его слово. Он предлагал страдающему психическим расстройством попросить прощение у своего «врага» и не иметь против него злобы. Мы все люди и все можем совершать ошибки. Прежде всего следует разобраться в «безднах своей собственной души», что поможет снисходительно смотреть на проступки своего близкого. Естественно, будучи духовным лицом, он предлагал «пациенту» исповедь-покаяние перед главным «судией-лекарем» Богом. Исповедь-откровение была своеобразным «очищением» пациента от «скверны». Возможность высказаться с надеждой быть услышанным и понятым врачом-психотерапевтом действительно является одним из лучших методов лечения психосоматических заболеваний.

Еще большим психотерапевтическим даром обладал старец Амвросий. К нему толпами шли люди всех сословий, начиная от простого мужика и продолжая представителями весьма известных фамилий. К старцу приходили за советом Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев и др. Амвросий не читал назиданий на моральные темы. Методом его лечения была уместная шутка, народная притча-сказка, да и крепкое народное словцо. Всегда с приятной располагающей улыбкой на лице. Исцелял от недугов он не только людей, но и животных. Существует притча о том, как, подошедши к павшей лошади,

единственной кормилице крестьянина-трудяги, он крикнул: «Вставай, лентяйка!» После чего лошадь послушно поднялась на ноги [6, с. 92].

Серафим Саровский (1753–1833) обитал в Саровской пустыне, основанной в 1706 г. на месте татарского городка Сараклыч. По свидетельству очевидцев, ему достаточно было одного взгляда на лицо и внешний облик пришедшего к нему «пациента», чтобы поставить «диагноз». Будучи прекрасным психологом, обогащенный житейским опытом, Серафим без труда мог предсказать будущую судьбу человека, обратившегося к нему за помощью [7].

Дальше всех в области лечения всех страждущих физическими и душевными болезнями пошел Иоанн Кронштадтский (1829–1908). В самом Кронштадте и далее в Петербурге его стараниями были организованы так называемые Дома трудолюбия. Они предназначались как для бедных, бездомных детей с подростками, так и для людей старшего поколения. Здесь находились школы, мастерские, библиотеки, ночлежные дома бездомных и бесплатные обеды. Самое главное: всем обитателям и посетителям этого дома оказывалась бесплатная медицинская помощь. Народная столовая работала в течение 11 часов каждый день, отпуская до 800 обедов ежедневно [8, с. 285–295]. Вот где нужно искать образец для подражания представителям современной РПЦ! Сколько наболевших государственных проблем разрешилось бы при условии организации церковными деятелями подобных приютов – больниц для одиноких немощных стариков и детей, брошенных так называемыми родителями на произвол судьбы. Переполненные детские дома в сравнительно мирное время свидетельствуют о низком моральном уровне довольно большого количества соотечественников и особенно соотечественниц. Вызывает удивление сам факт обилия «ненужных» детей в стране, где исстари почиталась женщина-мать, дающая жизнь новорожденному. Не случайно как раз на Руси таким почитанием пользовалась Богородица, изображенная на иконе с Младенцем на руках, покровительница всех матерей и детей. Русскую православную церковь невозможно представить без икон Богоматери Казанской и Богоматери Владимирской. Вывод следует один: духовное воспитание граждан страны нашей должно стать первоочередной задачей священников Русской православной церкви.

В заключение статьи мы хотели бы напомнить одно очень интересное обстоятельство из дореволюционной, как принято говорить, истории Русской православной церкви. После окончания духовной семинарии бывший семинарист получал право продолжить свое образование на медицинском факультете любого университета. В семинарии его уже обучили владению Словом-Утешени-

ем. Из бывших семинаристов получались прекрасные врачи-психотерапевты и не только. Дед и прадед авторов статьи Завадовский Константин Николаевич (1876–1950), сын православного священника, после окончания Томской духовной семинарии поступил на медицинский факультет Томского университета. Впоследствии он прошел специализацию в Германии и, защитив диссертацию, стал профессором при кафедре нервных болезней Томского медицинского института. Следующий пример. Черепнин Константин Николаевич (1885–1968), сын священника, выпускник Витебской духовной семинарии, также оканчивает медицинский факультет Томского университета, ставши впоследствии известным хирургом, профессором факультетской хирургии того же Томского медицинского института. (В наше время медицинский институт, как мы знаем, называется медицинским университетом.) И еще пример. Суздальский Виктор Иванович (1884–1963) после окончания в городе Ельце духовной гимназии и Орловской духовной семинарии поступает на медицинский факультет Томского медицинского института. Далее он становится врачом-гигиенистом, профессором кафедры гигиены вышеназванного института. Примеры можно продолжать, как говорится, до бесконечности, перечисляя бывших семинаристов, ставших впоследствии известнейшими врачами, профессорами, посвятившими всю жизнь свою самому святому делу – лечению людей словом и делом. Образцом Врача с большой буквы, в совершенстве владеющего Словом-Утешением, был покойный ныне Дмитрий Дмитриевич Яблоков (1896–1993). Врач-клиницист и психотерапевт в одном лице, профессор, академик, известный в России и за рубежом, вставал на колени перед тяжелобольным пациентом, распростертым на больничной кровати, чтобы его прослушать. Добрые слова Дмитрия Дмитриевича, обращенные к пациенту, сразу же приносили утешение и облегчение страданий. Проницательный взгляд, прикосновение руки, тихая беседа с больным человеком, приглашающая его к откровению, помогали исцелять тяжело больных людей. Хотелось бы пожелать, чтобы священники возрождаемой ныне православной русской церкви, стали такими же духовными целителями людей, пришедших к ним в надежде получить утешение и нравственную поддержку.

Авторы статьи нашли единомышленника в лице ассистента кафедры философии и социологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. В своей статье «Ментальность россиян и консерватизм» Н. Ф. Катанов совершенно верно замечает, что национальный характер русского народа, его ментальность заложена в «особом национальном ЛОГОСЕ». Далее мысль

продолжается: «Логос это то, что в древней мистико-философской традиции обозначалось как “дух народа”» [9, с. 16]. Сущность русской ментальности, выражающейся в Слове- Логосе, нужно искать в самой истории многострадального и дорогого нашего русского Отечества.

Список литературы

1. Евдокимов П. Н. Православие. М.: Библейский богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2002. 500 с.
2. Платон. Федон. Пир. Федр. СПб.: Азбука-классика, 1997. 254 с.
3. Флоренский П. Обратная перспектива // Философия русского религиозного искусства. Антология. М.: Прогресс, 1993. 400 с.
4. Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи // Там же.
5. Святыни православной Руси. СПб.: Весь, 2012. 128 с.
6. Горбачева Н. Оптинские старцы. М.: Олимп, 1999. 204 с.
7. Горбачева Н. Серафим Саровский. М.: Прогресс, 1999. 200 с.
8. Жизнеописание достопамятных людей земли русской X–XX вв. М.: Моск. рабочий, 1992. 333 с.
9. Никитин А. П. Ментальность россиян и консерватизм // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 5 (95). С. 16–21.

Караваяева Е. В., ст. преподаватель.

Сибирский государственный медицинский университет.

Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050.

E-mail: caravaef38@mail.ru

Волкова Л. Д., кандидат философских наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 31.01.2013.

E. V. Karavaeva, L. D. Volkova

ELEMENTS OF PSYCHOTHERAPY IN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

On the basis of psychoanalytic concept by K. Jung the authors of the article reveal religious content of Russian Orthodoxy. The article especially emphasizes the sacred meaning of the word not only in the Orthodox Church but in Russian culture as well. Besides the article reveals the elements of mental therapy of the Orthodox service, which has oriental origin.

Key words: *word, logos, icon, symbol, introversion, sacral, cosmism.*

Karavaeva E. V.

Sibirien State Medical Univesity.

Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: caravaef 38@mail.ru

Volkova L. D.

Tomsk State Pedagogikal University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.